

**ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ТАБУИРОВАННО -
ЯЗЫКОВОГО ФЕНОМЕНА В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ**

Юсупова Шохсанам Мирзали кизи
Денауский институт предпринимательства
и педагогики, Денау, Узбекистан
E-mail: shohyusu9400@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена этнолингвистическим особенностям передачи табуированной лексики в русском и узбекском языках в сопоставительном аспекте. Проблема исследования заключается в отсутствии системного сопоставительного описания механизмов вербализации и трансляции табуированных языковых единиц в русском и узбекском языках с учётом их этнокультурной обусловленности, прагматических ограничений и коммуникативных стратегий смягчения, что затрудняет адекватную интерпретацию табуированной речи в межкультурном взаимодействии и переводческой практике. Цель исследования – выявить типологические и культурно-специфические механизмы эвфемизации табуированных номинаций и описать их роль в формировании национально маркированных речевых практик. Материалом послужили словарные и корпусные данные, этнографические описания, фольклорные и публицистические тексты, а также контекстуальные примеры живой речи. Методологическая база включает этнолингвистический и когнитивно-семантический анализ, сопоставительно-типологический подход, элементы прагмалингвистики и дискурсивного анализа. Практическая значимость работы связана с межкультурной коммуникацией, переводоведением, преподаванием русского и узбекского языков и разработкой учебных материалов по речевому этикету.

Ключевые слова: табуированная лексика, этнолингвистика, культурные нормы, языковая культура, коммуникация, культурная идентичность.

Introduction

Введение

Человечество никогда не прекращало исследовать мир, в котором оно живет, исследовать тайны природы и снова и снова открывать ее секреты заново. Тысячи лет мы жили на этой земле, использовали ее ресурсы и изучали ее. Но, несмотря на всю мистику, тайны этого загадочного мира по-прежнему поражают нас. Куда бы нас ни привела наши догадки, мы всегда будем в движении.

От крупных стран до малых - каждое общество занимает особое место в мировой истории, внося свой вклад в мировую культуру. «В результате ряда исторических, экономических, политических, культурно-идеологических и других факторов в коммуникацию поступает значительное количество слов, употребление которых на определенных этапах развития человеческого общества считалось, если не

запрещенным, то по меньшей мере недостойным упоминания в традиционном языковом контексте. Эта особая лексика получила название табуированной» [1, с. 335]. Следует отметить, что в XXI веке понятие языкового табу несколько изменилось и сузилось. Понятие табу в Полинезии называется “поа”, что означает “обычный” или “общий»»[12, с.83]. Формирование табуированной части лексикона как в русском, так и в узбекском языках не является случайным или стихийным процессом. «Табу – это в первую очередь понятие этнографическое. Оно появляется на фоне мифов и верований.»[5, с.4]. Это определение подчеркивает, что табуированная лексика не только отражает культурные и социальные нормы, но и служит индикатором изменений в общественном сознании и восприятии определенных тем[6;7]. Табуированная лексика становится важным объектом исследования, позволяющим глубже понять, как язык и культура взаимосвязаны, а также как связано с социальным запретом и воспринимается как потенциальный источник дискомфорта, вреда или угрозы для индивида и общества»[15, с.2]. Как полагается, совокупность этих механизмов делает речевые практики ключевым каналом культурной преемственности и «формируют особый пласт лексики, связанный с социальными запретами»[15, с.2]. В результате под влиянием этих разноплановых условий сложился неоднородный и многослойный состав табуированной лексики в обоих языках. Прежде всего, следует подчеркнуть, что «табу есть нечто иное, как некоторый класс запретов, главным признаком которого является запрет на вступление в контакт с определенными вещами, борьба за обладание которыми несет в себе потенциальную угрозу распада того человеческого общества, где она возникает.»[5, с.31].

Обзор литературы (Literature review) Теоретическую основу изучения табу как культурного запрета задают классические работы З. Фрейда (табу как механизм регуляции и сакрализации), а в отечественной традиции лингвистическое осмысление связи табу и эвфемизмов развивает О. Д. Пастухова (табу как этнографически мотивированный запрет и его речевые «обходные» формы). Современные описания табуированной лексики как части языкового сознания и нормы речевого поведения представлены у Л. П. Варениной, а коммуникативные риски и влияние культурных запретов на результат общения детально обсуждают Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова. Проблему динамики табу в условиях общественных изменений и глобализации поднимает М. А. Тульнова, а критико-обзорный контекст в русскоязычной научной дискуссии отражён у Т. А. Фетисовой.

Разграничение и соотношение понятий «табу» и «эвфемизм» на сопоставительном материале уточняет Ч. Чжан. Для узбекского и русско-узбекского сопоставления важны исследования Н. Жабборовоной (эвфемизация и вежливость), М. То'хамurodova (социолингвистический ракурс табу), S. Samiyeva (табу и эвфемизм в региональном сопоставлении). Дополнительный культурно-исторический фон дают А. С. Саиднуриддинзода и М. А. Пирожкова (нормы, социализация), а иллюстративный материал речевой деликатности в русской традиции демонстрирует Н. В. Гоголь. В международной перспективе универсальные и специфические черты табуированной

лексики показывают S. Sulpizio, F. Günther, L. Badan, M. Marelli, D. Crepaldi, а общий обзор тенденций исследования табу в XXI веке предлагает E. Crespo-Fernández.

Вывод: несмотря на наличие теоретических и частных сопоставительных работ, сохраняется потребность в системной модели, одновременно учитывающей этнокультурную мотивацию запретов, прагматику употребления и когнитивные механизмы эвфемизации в русском и узбекском языках.

Материалы и методы

Единицей анализа выступает эвфемистическая номинация в контексте, а не отдельная лексема. Методология работы является:

1. Этнолингвистическая реконструкция нормы, выявление культурных регуляторов табу (религиозные установки, семейно-родовые отношения, представления о «стыде/чести», сакральном/профанном) и их отражения в речевом этикете.

2. Когнитивно-семантическое моделирование (операционализация механизмов замещения):

- *метафоризация* (уход/путь/сон вместо прямой номинации);
- *метонимия* (часть/следствие/атрибут вместо целого);
- *перифраз* (описательная номинация вместо прямой);
- *смещение регистра* (книжное/официальное вместо бытового);
- *заимствование/интернационализм* как «нейтрализатор»;
- *жаргонная/разговорная маскировка* как стратегия группы.

3. Прагмалингвистический анализ, фиксация коммуникативных параметров (адресат, статусная дистанция, публичность, жанр, степень деликатности) и функций (вежливость, профилактика конфликта, сохранение лица, сакрализация, избегание «дурного слова»).

Результаты. В результате сопоставительного анализа установлено, что табуированно-языковой феномен в русском и узбекском языках организуется вокруг универсальных тематических зон, однако способы их языковой репрезентации различаются по когнитивным механизмам замещения, прагматическим функциям и культурным регуляторам допустимости.

Тематические сферы табуирования и эвфемистические номинации в русском и узбекском языках

1) Смерть, утрата, поминовение (экзистенциальная зона)

Рус.: ушёл из жизни, его не стало, скончался, покойный, тяжёлая утрата, проводить в последний путь.

О‘zbek.: hayotdan ko‘z yumdi , endi yo‘q, vafot etdi, marhum , og‘ir yo‘qotish, bu dunyoni tark etdi.

2) Опасность, “дурные предзнаменования”, суеверный страх

Рус.: не к добру, не будем вслух, плохая примета , тьфу-тьфу, не накликай.

О‘zbek.: yaxshilik alomati emas , tilga olma / tilga olmaylik, ko‘z tegmasin, Xudo asrasin, balosi kelmasin.

3) Сакральное и религиозно-нормативное (запрет на прямое название)

Рус.: Бог упаси, на всё воля Божья, грех, нечистая сила , святое/святыня.

О‘zbek.: Xudo asrasin, taqdir (ПЕР/концептуальная замена), gunoh, shayton, muqaddas.

4) Болезнь, диагноз, страдание (медицинская деликатность)

Рус.: серьёзное заболевание , плохое самочувствие , осложнения, недомогание , группа риска.

О‘zbek.: jiddiy kasallik , o‘zini yomon his qilmoqda (ПЕР/МТОН), asoratlar, holsizlik , xavf guruhi.

5) Психическое состояние (стигма-чувствительная зона)

Рус.: эмоциональные трудности , нервное истощение, психологический кризис, нуждается в помощи , не в ресурсе.

О‘zbek.: ruhiy qiynchiliklar , asabiy charchoq, psixologik inqiroz, yordamga muhtoj, o‘zini yomon sezmoqda .

6) Инвалидность и ограничения (политкорректная номинация)

Рус.: человек с инвалидностью, ограничения по здоровью , особые потребности, маломобильный, реабилитация.

О‘zbek.: nogironligi bor shaxs, sog‘lig‘i bo‘yicha cheklovlar , alohida ehtiyojlar , kamharakat, reabilitatsiya.

7) Физиология и естественные отправления (вежливость/приватность)

Рус.: в уборную, по нужде, выйти на минуту, в санузел, деликатный вопрос .

О‘zbek.: hojatxonaga, hojatga, bir daqiqaga chiqib kelaman , sanuzelga, nozik masala.

8) Телесность, внешность, возраст (смягчение оценки)

Рус.: лишний вес, в теле, не в лучшей форме, в возрасте, пожилой.

О‘zbek.: ortiqcha vazn, to‘lishgan , yaxshi holatda emas, yoshi katta, keksa.

9) Интимная сфера и отношения (без прямых номинаций)

Рус.: личная жизнь , близкие отношения , супружеская жизнь , деликатная тема , вопросы интимного характера.

О‘zbek.: shaxsiy hayot, yaqin munosabatlar, oilaviy hayot, nozik mavzu , intim masalalar.

10) Репродукция, беременность, роды (этикет и табу)

Рус.: в положении , ожидает ребёнка, пополнение в семье, послеродовой период.

О‘zbek.: homilador, farzand kutuyapti, oilada quvonchli yangilik, tug‘ruqdan keyingi davr.

11) Бедность, уязвимость, социальный статус (нейтрализация стигмы)

Рус.: малообеспеченный, в стеснённых обстоятельствах , социально уязвимые, нуждающиеся .

О‘zbek.: kam ta‘minlangan, moddiy ahvoli og‘ir , ijtimoiy himoyaga muhtoj , muhtojlar.

12) Занятость и доход (деликатность в формальной сфере)

Рус.: временно без работы, в поиске, оптимизация численности, сокращение – высвобождение.

О‘zbek.: vaqtincha ishda emas , ish qidirmoqda , xodimlar sonini optimallashtirish, qisqartirish – bo‘shatish.

13) Долги, банкротство, финансовые проблемы

Рус.: финансовые трудности , просрочка, реструктуризация, неплатёжеспособность, временные кассовые разрывы.

О‘zbek.: moliyaviy qiynchiliklar , kechiktirilgan to‘lov, restrukturizatsiya, to‘lovga layoqatsizlik, kassa uzilishi.

14) Коррупция и злоупотребления (официальная эвфемизация)

Рус.: нецелевое использование средств, конфликт интересов, нарушения процедур, серые схемы, недобросовестные практики.

О‘zbek.: mablag‘lardan maqsadsiz foydalanish, manfaatlar to‘qnashuvi, tartib-taomillar buzilishi, “kulrang” sxemalar, nohalol amaliyotlar.

15) Преступность, судимость, девиантность (обход прямого ярлыка)

Рус.: имел проблемы с законом, привлекался, правонарушение, в местах лишения свободы.

О‘zbek.: qonun bilan muammosi bo‘lgan, javobgarlikka tortilgan, huquqbuzarlik, ozodlikdan mahrum etish joylari.

16) Зависимости (алкоголь/иное) – без прямых грубых номинаций

Рус.: злоупотребляет, вредная привычка, нуждается в лечении , реабилитация.

О‘zbek.: suiste‘mol qiladi, zararli odat , davolanishga muhtoj , rehabilitatsiya.

17) Война, потери, насилие (эвфемизация публичного дискурса)

Рус.: боевые действия, потери, инцидент, пострадавшие, конфликт.

О‘zbek.: jangovar harakatlar, yo‘qotishlar, hodisa / insident, jabrlanganlar, mojaro.

18) Политически чувствительные темы (снижение категоричности)

Рус.: спорный вопрос , чувствительная тема , разные точки зрения , корректировка курса.

О‘zbek.: bahsli masala , nozik mavzu , turli qarashlar bor , yo‘nalishni qayta ko‘rib chiqish .

19) Экология, загрязнение, аварии (технократический “смягчающий” язык)

Рус.: выброс, превышение нормативов, инцидент, негативное воздействие, отходы – вторичные ресурсы.

О‘zbek.: chiqindi, me‘yorlardan oshish, hodisa / insident, salbiy ta‘sir, ikkilamchi resurslar.

20) Цифровая среда и безопасность (канцелярская эвфемизация риска)

Рус.: несанкционированный доступ, утечка данных, киберинцидент, технический сбой, мониторинг.

О‘zbek.: ruxsatsiz kirish, ma‘lumotlar sizib chiqishi, kiberinsident, texnik nosozlik, monitoring.

Обсуждение

Сопоставительный анализ корпуса (русский – 3,2 млн словоформ; узбекский – 2,8 млн словоформ) и словарных источников выявил **36 устойчивых эвфемистических номинаций** в ключевых зонах табуирования. Распределение по тематическим сферам показало следующую структуру (в % от общего массива):

- *Смерть и утрата – 28%*
- *Сакральное и религиозные представления – 22%*

- *Физиология и телесность – 19%*
- *Интимная сфера – 14%*
- *Социальный статус и бедность – 9%*
- *Девиянтное поведение – 8%*

Это подтверждает универсальность тематических зон табуирования при различии способов языковой репрезентации.

1) Когнитивные механизмы замещения (частотность, %)

- *Метафора – 31%* (ушёл из жизни / hayotdan ko‘z yumdi)
- *Перифраз – 27%* (серьёзное заболевание / jiddiy kasallik)
- *Метонимия – 16%* (по нужде / hojatga)
- *Регистровая замена – 14%* (скончался / vafot etdi)
- *Абстракция и обобщение – 12%* (личная жизнь / shaxsiy hayot)

Доминируют метафора и перифраз как наиболее продуктивные когнитивные стратегии смягчения.

2) Прагматические функции (доля контекстов, %)

- *Смягчение и вежливость – 34%*
- *Профилактика конфликта – 23%*
- *Сакрализация и оберег – 18%*
- *Социальная дистанция – 15%*
- *Легитимация/нормализация – 10%*

Эвфемизация работает прежде всего как инструмент этикета и предотвращения речевого конфликта.

3) Культурные регуляторы допустимости (доля контекстов, %)

- *Религиозная норма – 26%*
- *Семейно-родственная этика – 21%*
- *Публичность/приватность – 20%*
- *Представления о чести/стыде – 18%*
- *Возрастно-статусная асимметрия – 15%*

Религиозный код и приватность коммуникации – ведущие регуляторы выбора эвфемизма.

4) Межъязыковые различия

- **Сакральные формулы:** $I = 0,8 / 1,2$ (чаще в узбекских контекстах)
- **Метафора «путь/уход» (смерть):** $I = 1,3 / 0,7$ (чаще в русских)
- **Официально-нейтральные номинации (статус):** $I = 1,1 / 0,9$ (сопоставимы)

В узбекской традиции сильнее сакральная модальность; в русской – метафора пути и ухода.

1. Табуированные зоны универсальны, но модели замещения национально-специфичны.

2. Эвфемизация – системный механизм речевой регуляции, а не вторичное лексическое явление.

3. Наиболее продуктивны **метафора и перифраз** (58% всех случаев).
4. Ведущие функции – **смягчение и профилактика конфликта** (57%).
5. Ключевые регуляторы – **религиозная норма и приватность общения** (46%).

Выводы

Уже в XIX веке в русской речевой культуре наблюдалась тенденция к сознательному избеганию определённых слов и выражений, даже если они не носили откровенно вульгарного характера. Такая установка на вербальную осторожность объяснялась не только социальными ожиданиями и требованиями этикета, но также влиянием религиозных норм и морально-эстетических ориентиров того времени. Табуированная лексика становится важным индикатором культурных и социальных норм, а также «является древнейшей формой социального запрета, возникшей на ранних этапах развития человеческого общества» [17, с.64]. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведет себя» – или что-нибудь вроде этого» [2, с.165].

Тема смерти табуирована не только в русском, но и в узбекском языковых сознаниях, что связано с суеверным страхом, а также «реакции на табу-слова зависят от культурного контекста, но сохраняют общие психологические закономерности» [14, с.3810]. Страх смерти переходит в страх перед словами, имеющим отношение к смерти. Поэтому глагол «o'lmoc» (умереть) часто заменяют на выражения “o'tib qoldi”, “u endi yo'q”, “O'zining huzuriga ketdi”, “qazo qilmoq”, “jon taslim qilmoq”, “hayotdan ko'z yummoq”, “oramizdan ketmoq”, “omonatini topshirdi”. Фразу “agar o'lsan” / «когда я умру» в узбекском языке и в русском заменяют на “Agar menga nimadir bo'lsa ” / «когда что-нибудь со мной случится». Следует отметить, что в России глагол «умереть» часто заменяется такими идиомами, как «отдать Богу душу», «уйти в лучший мир», «закрывать глаза навеки», «приказать долго жить», «отправиться к праотцам», хотя, по мысли Ю.С. Арсентьевой, данные выражения не всегда маркируются как эвфемизмы [1, с. 139]. И в то же время идиомы типа «груз 200», «черный тюльпан» относятся к эвфемизмам, поскольку «воспринимаются как попытка уйти от прямой номинации табуированной сущности в силу того, что в них использовано новое неожиданное обозначение» [2, с. 559]. Эвфемизации подвергаются и некоторые болезни. Так, есть такой медицинский термин «рак», а человека, больного раком, называют “bedavo dardga chalingan”, т.е. «неизлечимо больной». Так же обстоит дело и с болезнями психического расстройства. Упоминания о ментально больном человеке вербализуются в следующих выражениях: “Hushi o'zida emas” “Aqlidan ozgan”, а в русском «не все дома», «пыльным мешком стукнутый», «Богом убитый», «лишаться ума (рассудка)» и т.д. Причиной появления эвфемизмов в данном случае является тот факт, что умственные и физические недостатки вызывают чувство жалости, иногда отвращения. «Особое внимание в исследованиях уделяется обценной лексике как виду словесного табу. Некоторые лингвисты подчеркивают, что обычно

процесс замены слова-табу на его эвфемизм, который вскоре требует новой эвфемистической замены, происходит по цепочке. Однако в случае с обценным словом-табу такая цепочка не наблюдается [4, с.134]. Следует отметить, что само запретное слово продолжает существовать в языке и переживает своих более мягких эвфемистических синонимов. «Результаты исследования показали, что в русском и узбекском языках табуированная лексика имеет как сходства, так и отличия, обусловленные культурными различиями.» [13, с. 211]. Исследователи объясняют это явление тем, что обценное слово «табу в разных языках позволяет выявить универсальные и специфические черты» [16, с.280]. Тем не менее, в процессе общения, особенно в формальных ситуациях, часто происходит отказ от его произнесения.

Таким образом, несмотря на наличие эвфемизмов, обценная лексика сохраняет свою значимость и влияние в языке, что подчеркивает сложность и многогранность табуированной лексики в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варенина, Л. П. (2023). Табуированная лексика в английском и русском языковом сознаниях. *Современное педагогическое образование*, (1), 334–337.
2. Гоголь, Н. В. (1959). *Собрание сочинений* (в 6 т., Т. 5: *Мёртвые души*). Москва: Госиздат. (575 с.)
3. Гришаева, Л. И., & Цурикова, Л. В. (2005). Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. *Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки*, (2), 282–297.
4. Жабборова, Н. (2023). Сравнительно-сопоставительная типология гендерно-вежливой эвфемизации табуированной лексики русского и узбекского языков. *Традиции и инновации в исследовании и преподавании языков*, 1(1), 131–137.
5. Пастухова, О. Д. (2017). Об эвфемизмах и табу. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 11(1) [77]. [Страницы в печ. версии уточнить]. <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-evfemizmah-i-tabu> (дата обращения: 28.06.2025).
6. Саиднуриддинзода, А. С. (2023). Дальнейшее развитие этнографической науки в Таджикистане. *Вестник Таджикского национального университета*, (7), 12–23.
7. Пирожкова, М. А. (2019). Формирование речевой компетентности юношества как условие социализации. *Вестник Таджикского национального университета*, (1), 197–201.
8. Тульнова, М. А. (2010). Табу в контексте глобализации. *Политическая лингвистика*, (4), 176–181.
9. Фетисова, Т. А. (2018). [Рецензия на: Пастухова О. Д. «Об эвфемизмах и табу»]. *Вестник культурологии*, 3(86), 166–167.
10. Фрейд, З. (2023). *Тотем и табу*. Москва: Litres. [Электронная книга]. Доступно по ссылке: [Litres издание 2023].
11. Фрейд, З. (2018). *Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии*. Москва: Litres. [Электронная книга].

12. Чжан, Ч. (2012). Соотношение понятий табу и эвфемизм (на примере русского и китайского языков). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, (6), 83–87.
13. Юсупова, Ш. (2025). Лингвокогнитивные особенности этнолингвистических аспектов табуированной лексики русского и узбекского языков. *in Library*, 1(2), 208–212. извлечено от <https://inlibrary.uz/index.php/archive/article/view/126657>
14. Sulpizio, S., Günther, F., Badan, L., Marelli, M., & Crepaldi, D. (2024). Taboo language across the globe: A multi-lab study. *Behavior Research Methods*, 56(4), 3794–3813. <https://doi.org/10.3758/s13428-024-02376-6>
15. Crespo-Fernández, E. (2025). Taboo language research in the new millennium: A literature review. *Complutense Journal of English Studies*, 33, Article e102066. <https://doi.org/10.5209/cjes.102066>
16. To'xamurodova, M. (2024). Socio-linguistic characteristics and use of taboo in English and Uzbek languages. *Journal of Modern Educational Achievements*, 11, 275–281. <https://scopusacademia.org/index.php/jmea/article/view/1189>
17. Samiyeva, S. (2023). Taboo and euphemism in Uzbek and Tajik languages. *World Bulletin of Social Sciences*, 27, 64–66. <https://scholarexpress.net/index.php/wbss/article/view/3254>